

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

CLIVE BARKER

COLDHEART CANYON

КЛАЙВ БАРКЕР

КАНЬОН
ХОЛОДНЫХ СЕРДЕЦ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО:
ЕКАТЕРИНА БОЛЬШЕЛАПОВА,
ТАТЬЯНА КАДАЧИГОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Б25

Серия «Легенды хоррора»

Clive Barker
COLDHEART CANYON

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency

Перевод с английского: *Екатерина Большелапова,*
Татьяна Кадачигова

В оформлении использована иллюстрация *Сергея Неживясова*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

© 2001 by Clive Barker
© Екатерина Большелапова, перевод, 2019
© Татьяна Кадачигова, перевод, 2019
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Дэвиду Эмилиану Армстронгу

Пролог
КАНЬОН

Над каньоном Холодных Сердец сгустились ночные сумерки, и из пустыни подул ветер.

Санта Ана — так величают подобные ветры в народе. Они приходят из Мохаве и, как правило, сулят людям пожары и хворь. Кое-кто считает, что их нарекли в честь святой Анны, матери святой Марии; другие утверждают, что в названии увековечилось имя некоего Санта Ана, генерала мексиканской кавалерии, прославившего большим мастаком пускать пыль в глаза; третьи же полагают, будто Санта Ана не что иное, как преобразованное *santanta*, что в переводе означает «дьявольский ветер».

От чего бы ни происходило это название, бесспорным остается то, что ветры Санта Ана всегда были жгучими и зачастую приносили с собой столь щедрый букет ароматов, словно собирали его с каждого встречавшегося на пути цветка. Дикорастущие лилии и розы, белый шалфей и необузданный дурман, гелиотроп и креозот — подхваченное жаркими объятиями ветра, их сладостное благоухание устремлялось в укромное ущелье, именуемое каньоном Холодных Сердец.

Что касается самого ущелья, то, разумеется, в нем тоже хватало цветущих растений. Более того, их буйство достигало фантастических размеров. Некоторые из них в свое время были занесены сюда теми же палящими ветрами Санта Ана, другие своим появлением обязаны бродячим животным — оленям, койотам, енотам, экскременты которых содержали семена; прочие же образчики флоры перекочевали из садов огромного сказочного дворца — единственного рукотворного строения, предьявляющего притязания на этот уголок Голливуда. Некогда таких чужестранцев, как редкие виды орхидеи и лотоса, садовники холили и лелеяли, точно самое дорогое сокровище, но эти времена ушли в далекое прошлое, и с тех пор диковинные питомцы, лишившиеся регулярных подрезки и полива, предалились безудержному разрастанию.

Между тем каждый выросший в этом уголке природы цветок почему-то отдавал горечью. Забреди сюда ненароком голодная лань — пытаясь, к примеру, спрятаться от туристов, что прибыли осматривать Тинстаун, — в каньоне она бы не задержалась. Хотя ущелье и ограждали крутые горные склоны, нередко случалось, что животные, особенно молодые, подстрекаемые неумным любопытством, успешно преодолевали прогнившие изгороди и покосившиеся заборы и попадали в святая святых этих садов, но почти всегда свой интерес они утоляли довольно быстро.

Возможно, причиной тому был не только горький привкус листьев и лепестков. Возможно, все дело в том, что атмосферу вокруг бельведера наполнял странный шепот, который вызывал у зверей беспокойство. Возможно, пока они бродили по бывшим тропинкам

сада, их дрожащих боков слишком часто касалось нечто незримое, нечто призрачное. Возможно, очутившись на заросших садовых лужайках, животные наткнулись на ту или иную статую и, по ошибке приняв ее за нечто одушевленное, пугались и неслись вскачь.

Возможно, иногда это была вовсе и не ошибка.

Возможно...
В каньоне эти «возможно» — то, что здесь могло бы или не могло произойти,— водились с давних времен. Но, как никогда прежде, они обнаружили себя именно в ту ночь, когда воздух дышал пустынным, щедро напоенным цветочными ароматами ветром. Голоса призрачных хозяев каньона звучали в эту ночь так тихо и расплывчато, что их едва бы различил оказавшийся тут невзначай человек,— чего, как правило, никогда не случалось.

Впрочем, всякое правило предполагает исключения. Чтобы попасть в эту долину роскоши и слез, нужно сильно постараться — и тем не менее турист или семья туристов, желая узнать, что находится за пределами предписанного им маршрута, подчас совершают столь неосмотрительный шаг по чистой случайности. Порой в ущелье забредают парочки, желающие отыскать укромное местечко для любовных утех; кого-то привлекает мелькнувшая среди листвы фигура знаменитого кумира, застигнутого врасплох на прогулке с собакой.

Однако целенаправленно на эту заповедную территорию ступали всего несколько человек, которые отыскивали дорогу по весьма туманным описаниям, имевшимся в исторических документах Старого Гол-

ливу да. Эти люди входили в каньон Холодных Сердец весьма осторожно,— можно сказать, с налетом благоговейной почтительности. Но каким бы образом непрошенные визитеры ни попадали в ущелье, покидали они его всегда одинаково — поспешно унося ноги и тревожно озираясь. В сильном замешательстве оказывались даже самые яростные безумцы, дерзко заявлявшие, что им чужды слабости плоти. Повинуясь шестому чувству, которое, на удивление, было куда пронизательнее их самих, они улепетывали от пугающих теней каньона так, что сверкали пятки. Но, даже вернувшись под спасительную сень вечернего бульвара Сансет и наконец обсушив взмокшие от страха ладони, они все же не могли понять, почему в столь безобидном месте им пришлось натерпеться такого ужаса.

ЧАСТЬ I

ЦЕНА ОХОТЫ

ГЛАВА I

— **В**ероятно, ваша супруга, мистер Зеффер, не желает гулять вблизи крепости? — сказал на второй день отец Сандру, когда мужчина средних лет с красивым, но печальным лицом явился к нему один.

— Она мне не жена, — заметил Зеффер.

— А-а... — понимающе кивнул монах. Сквозившее в его тоне сочувствие выказывало далеко не безразличное отношение к очарованию Кати. — О чем вы, должно быть, весьма сожалеете, да?

— Да, — признался тот, явно испытывая некоторую неловкость.

— Она очень красива.

Произнося эти слова, монах не сводил глаз с собеседника, однако тот, очевидно решив, что и так сказал более чем достаточно, не имел ни малейшего намерения исповедоваться святому отцу дальше.

— Я всего лишь ее импресарио, — пояснил Зеффер. — Это все, что нас связывает.

Между тем отец Сандру, по всей очевидности, не желал уходить от темы.

— После вашего вчерашнего визита, — проговорил он, изрядно сдабривая свой английский румынским